

ВОНСИК И., ПИСТЕРМАН С. М.
— в ПОМПОЛИТ

ВОНСИК Ирина. Член партии эсеров. Гласная Одесской городской думы. В 1922 — арестована в Одессе, приговорена к 3 годам ссылки в Среднюю Азию.

ПИСТЕРМАН Сарра Михайловна, родилась в 1903. Член партии эсеров. В 1922 — арестована в Одессе, приговорена к 3 годам ссылки в Среднюю Азию.

3 июля 1922 — с партией политзаключенных отправлены в Харьков, в Рязани были задержаны, в августе просили помощи Помполита.

В юридическом отделе была распечатана выдержка из их письма для дальнейшего ходатайства.

<13 августа 1922>

Мы, политические ссыльные ВОНСИК и ПИСТЕРМАН из группы 7 человек соц<иал>-рев<олюционеров>, направлявшихся из Одессы в Ташкент, попали одни в Рязань и очутились в безвыходном положении. Мы заявили, что отбивать нас от партии и везти одних с уголовными, без вещей не имеют права. Как это случилось — непонятно. Конвой рассказывал, что он уже стал принимать наших в Таганке, как вдруг дали знать по телефону, что для политических нет вагона, и их оставили <...> Мы отказались идти в вагон и потребовали начальника конвоя; он не хотел выйти к нам, и мы долго ждали, потом нам сказали, чтобы мы пошли, нас передадут в ОРТ ЧК. Мы пошли, но дежурный сказал, что он сам нас принять не может, стал сноситься по телефону с комендантом, еще с кем-то, но ему ответили, чтобы конвой оставил кого-нибудь, чтобы отвести нас в тюрьму. Конвой заявил, что оставить никого не может, так как бумага для всех общая. А тут уже звонки, никакие наши протесты не помогли, с ПИСТЕРМАН сделалась истерика, ее подхватили с двух сторон и потащили, нас втолкнули в вагон к третьему звонку, сделать ничего нельзя было. Мы очутились в вагоне, набитом уголовными, без вещей, в легких платьях, насквозь промокших, я даже без чулок. Мы попросили не везти нас до Симбирска, а снять в Рязани, как ближайшем пункте, тем более, что конвой сказал нам, что на другой день наших пошлют, и мы к ним присоединимся, а дежурный в ОРТ ЧК обещал дать телеграмму в Рязань, но, очевидно, не сделал этого. Но вот уже вторую неделю мы тут сидим, а этапа с Москвы нет, и нас не берут. Между тем здесь совсем не кормят, дают раз в день около ½ фунта хлеба, баланду, которую есть невозможно, кипятку нет. Содержание здесь нам стоит очень дорого, если это продлится, мы останемся без денег; мы можем протянуть еще неделю, а дальше что. Мы просим принять все меры, чтобы нас спасти.

Если же нас начнут возить этапом с уголовными и оставлять ждать этапа по всем тюрьмам, то это верная гибель. Если же нам тут придется долго сидеть, нам предстоит голодная смерть, так как продавать, как делают другие, нечего, на нас ничего, кроме легкого платья, нет. Положение настолько ужасное, что рассудок отказывается мириться с ним. Просим принять меры, как можно скорее...

Чувствуя себя совершенно затерянными и забытыми, мы начинаем приходить в полное отчаяние, мы содержимся в женском отделении Рязанской тюрьмы»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 58. С. 20. Машинопись.